

Хм, Тан Юй провел пальцем по своим алым губам — неужели он сомневался, что сможет прикончить тебя?

Впрочем, Е Вэньтао и впрямь оказался крепким орешком. После нескольких стычек тот выглядел несколько потрепанным и усталым, но на теле не было ни единой царапины. Тан Юй нахмурился, размышляя, притащить ли ему стенечку и ждать посиживая, либо выбрать подходящий момент для удара, как вдруг к нему подбежал слуга:

— Молодой господин, хозяин возвращается.

Это был тот самый слуга, которому он поручил доложить о возвращении Чжэн Шо до того, как тот переступит порог поместья.

Ну вот, теперь ему и ломать голову не придется. Тан Юй махнул рукой:

— Ступай.

Эх, — тихо вздохнул Тан Юй, бросив взгляд на ожесточенно сражавшихся людей. Какая жалость, столько отличных мастеров! Но ладно уж, раз изначально они были людьми Чжэн Шо, к нему они не имеют никакого отношения.

Тан Юй извлек две пилюли, по одной в каждую руку, и соскреб пчелиный воск, обнажив синюю и белую пилюли. Прекрасные цвета, от которых, однако, у кого-то в засаде мороз пошел по коже.

Тан Юй уже собирался сдвинуть пилюли вместе, как вдруг из темноты блеснул серебряный луч — совершенно неожиданно для всех.

— А! — взвизгнул Тан Юй. Пилюли выпали из рук, а ладонь прошила насквозь струящаяся кровь: в нее угодил метательный дротик. Тан Юй знал этот дротик лучше некуда — Игла, Пьющая Кровь!

— Молодой господин Тан!

Зажав запястье, Тан Юй судорожно втянул воздух. Иглу, Пьющую Кровь, нельзя вытаскивать просто так: из-за ее особой конструкции грубый рывок мог вырвать плоть вместе с костью. Нашупав пальцем точки, Тан Юй остановил непрекращающееся кровотечение и злобно покосился на заросли.

Кто-то кувырком выскочил из укрытия и приземлился рядом с Е Вэньтао. Раз уж этот бросок выдал его позицию, прятаться дальше не имело смысла.

— Ты... — глядя на замершего Тан Уяня, Е Вэньтао не знал, плакать ему или смеяться. В конце концов, тот не выдержал и пришел. Сейчас тревога в его сердце перевешивала радость.

Он и не подозревал, какому страху только что подвергся Тан Уянь.

Синяя и белая свиваются вдвоем, Сон Сопровождения имя им. Стоит лишь сновиденю уйти, душа назад не вернется.

Яд, который достал Тан Юй, был не чем иным, как наводящим ужас даже на самого Тан Уяня Сном Сопровождения! Стоило синей и белой пилюлям соприкоснуться, как спустя считанные секунды они взрывались, выпуская облако тумана. В радиусе пяти чжанов смерть ждала каждого, чьей одежды он коснется! Почему его звали сном? Единственным проявлением человечности в нем было то, что отравившийся не испытывал боли: он засыпал и умирал во сне, словно погружаясь в прекрасное сновидение, — вот только открыть глаза уже было невозможно.

Чтобы убить Е Вэньтао, Тан Юй был готов пожертвовать жизнями всех своих людей! Столь решительная и безжалостная расправа — неудивительно, что этот человек приглянулся братцу Улэ.

Именно поэтому, даже рискуя быть обнаруженным, Тан Уянь больше не мог ждать. Он вполне мог выждать момент и поразить цель стрелой в сердце, но боялся, что даже после падения Тан Юя пилюли могут соприкоснуться. К тому же Тан Юй находился всего в пяти чжанах от Е Вэньтао, и, скорее всего, собирался швырнуть пилюли и одновременно отступить в безопасную зону.

Необходимо было не допустить срабатывания Сна Сопровождения, а единственной слабостью этого яда было то, что он терял силу при контакте с кровью. Поэтому Тан Уянь лишь ранил руку Тан Юя: пропитавшаяся кровью отравы стала бесполезной.

Тан Юй опустил взгляд на руку. Тьфу ты, еще чуть-чуть — и были бы перерезаны сухожилия, тогда эту руку можно было бы списывать со счетов. Жаль только Сон Сопровождения, который так трудно сварить: он целых два года потратил на создание этой порции, а ее вот так испортили.

Тан Уянь одинаково искусно владел и скрытым оружием, и техникой Танского дождя, но только что усовершенствованный ядовитый туман все еще проходил стадию испытаний, а старший брат еще не дал ему противоядие... Тан Уянь нахмурился: в следующий раз не стоит так легко соглашаться на тестирование новинок.

То, что Клан Тан силен далеко не в ближнем бою, знал каждый, но, к счастью, у Тан Уяня были ловкие, проворные и быстрые движения. В сочетании с решительными добивающими ударами Е Вэньтао и парой вееров летящих цветов им удалось расправиться со многими противниками, однако текущая ситуация... напоминала тушение пожара чашкой воды.

Группа наемников буквально обезумела. Тан Юй добавил в их жижу новые ингредиенты: те вызывали жажду крови, мутили рассудок и причиняли невыносимую боль. Хотите противоядие? А ну живо бросайтесь в бой, забыв про страх! Стоит глазам налиться кровью от жажды убийства — и они перестанут замечать что-либо еще.

Что за монстры, они сражались всё яростнее с каждым мгновением! Одному пробили грудь, но он еще не испустил дух — корчась на земле в конвульсиях, он из последних сил метнул нож, оставив на руке Е Вэньтао неглубокую, но заметную рану.

Подавив подступивший к горлу сладковатый привкус крови и чувствуя буйство ци в жилах, Е Вэньтао атаковал внутренней энергией. В отличие от прежних убийц, по меньшей мере десятков из них были истинными мастерами! Пятерых они уже срубили, но оставшаяся пятерка тоже потреплет им нервы. И это не считая полусотни мелких сошек: даже если сброд вроде этой шантрапы собирается в кучу, их когти всё еще способны оставить царапины!

Вдобавок к этому, ранее он повредил запястье, отчего ци пришла в беспорядок, а теперь ему приходилось непрерывно махать мечом обеими руками, что еще сильнее ухудшило состояние не зажившего до конца запястья. Из-за чрезмерного истощения внутренние раны тоже дали о себе знать.

Е Вэньтао нахмурился: так дальше продолжалось не может. По крайней мере, нужно вытащить Тан Уяня отсюда!

— Уянь, — Е Вэньтао переключился на тяжелый меч. — Сейчас я применю Журавль возвращается в одинокие горы: пользуйся тем, что они оцепенеют на мгновение, и беги. Эти люди сильны, меча хватит лишь на миг — лови момент!

— Я...

— Осторожно!

Не успел Тан Уянь договорить, как Е Вэньтао грубо оттолкнул его. Несмотря на то, что он с молниеносной реакцией отразил парочку атак, в плечо Е Вэньтао всё же вонзился дротик.

Игла, Пьющая Кровь! Тан Уянь поднял голову: он чуть не забыл, что этот предатель Клана Тан все еще здесь!

Лицо Тан Юя тоже выглядело не лучшим образом. Боль от пробитой кости была нешуточной, а поскольку он с детства не выносил боли, он скривился и издал пару жалобных стонов:

— Мелкий везунчик, этот всю тебя защищает. И надо же было тебе разрушить мои планы — смерти ищешь! Сдохните-ка здесь оба!

Даже если этот парень из Клана Тан, нечего винить его в том, что он забыл о старой дружге!

— Е Вэньтао!

Тан Юй славился своими ядами, и его Иглы, Пьющая Кровь, разумеется, были смазаны свирепой отравой. У Е Вэньтао перед глазами потемнело, ноги подкосились, и он рухнул на одно колено, из последних сил заставляя себя не потерять сознание.

Времени определять состав яда не было. Тан Уянь запихнул ему в рот пилюлю для защиты сердца и продления жизни — по крайней мере, она спасет ему жизнь и затормозит действие яда.

Приготавливать Смертоносную стрелу было уже поздно. Выхватив кинжал, Тан Уянь отбросил нападавших. При его технике ближнего боя он немедленно обзавелся новыми ранами, но не отступил ни на шаг. В его глазах по-прежнему горел яркий свет — стойкий и непреклонный.

Лязг!

— Е Вэньтао!

Тан Уянь свободной рукой поддержал теряющего сознание Е Вэньтао. Тот только что прикончил нападавшего на Тан Уяня человека и теперь висел на плече юноши. Изможденный до предела, он смог бы убить кого-то еще разве что чудом. Но хотя сил у него не осталось, тон его оставался легким, а голос не дрогнул:

— Дурачок... ну что ты упрямишься...

С твоими-то навыками, почему бы тебе не сбежать?.. Разве я не велел тебе уходить первому?

— Я не упрямлюсь, просто не хочу сдаваться.

Только что они договорились вместе бродить по свету и любоваться пейзажами, за десяток лет у них накопилось столько слов друг для друга, и вот стоило им только начать — как же можно погибнуть здесь!

Поддерживая Е Вэньтао одной рукой, Тан Уянь зажал в зубах трубку для духовых стрел. Раскаленные от боли раны по всему телу и тяжелое дыхание Е Вэньтао придавали ему предельной ясности ума: он хотел, чтобы они оба выжили!

Глядя на несгибаемое упрямство Тан Уяня, который в безнадежной ситуации отчаянно искал выход из окружения толпы врагов, сплошь покрытый кровью — чужой ли, собственной ли, — в потемках одежды уже не разобрать,

Тан Юй на секунду погрузился в оцепенение. В тот день... крики убиваемых, взметнувшееся до небес пламя, и точно так же стоявший на ногах человек, чьи одежды заливала кровь, полный нежелания сдаваться и покоряться...

Брат...

Бух!

Из ниоткуда возникла фигура в белых одеждах. При нем был один тяжелый меч и один легкий. Если Е Вэньтао в роскошных одеждах казался необузданным и свободным, то этот человек сочетал в себе благородную статность и суровую красоту: его брови сошлись на переносице в хмуром изломе, а во взгляде читалась леденящая стужа.

— Уходим.

Не дожидаясь, пока Тан Уянь опомнится, новоприбывший тут же обрушил технику Журавль возвращается в одинокие горы — такая мощь заставила задрожать саму землю под ногами!

Хоть Тан Уянь и не знал, кто это, он ухватился за представившуюся возможность: поддерживая Е Вэньтао, он стремительно взмыл в воздух. Е Вэньтао успел лишь повернуть голову и слабо выдохнуть:

— Дяд... дядюшка...

Если взглядом можно было убивать, то в смертоносности глаз Тан Юя в этот момент никто бы не усомнился. Вспыхнувшая в них ярость была способна сжечь врага дотла живьем. Скрипя зубами, Тан Юй проглотил рвавшееся наружу имя, а его глаза налились кровью и едва не лопались от напряжения. Он закусил губу еще сильнее, отчего та стала пунцовой и закровоточила.

Е... Цэнь...!

Как он вообще умудрился отыскать его здесь?! И ведь он даже не заметил!

На краю северного склона горы клубились свинцовые тучи, глухо грохотал раскатистый гром, постепенно приближаясь к этому месту.

— Е Вэньтао, потерпи...

— Пустяки...

Однако по прерывистому дыханию было очевидно, что никакие это не пустяки.

Следовало немедленно заняться его раной и вытащить Иглу, Пьющую Кровь, но погода внезапно испортилась, и с неба начали падать первые капли дождя. Если бы вода попала в рану, стало бы только хуже. По пути на холме виднелся старый разрушенный храм, и Тан Уянь, придерживая Е Вэньтао, поспешил туда.

Летний дождь хлынул стеной мгновенно. И хотя кроны деревьев задерживали часть влаги, потоки воды неизбежно срывались вниз, хлеща прямо по ранам. Е Вэньтао кривился от жгучей боли, но изо всех сил цеплялся за сознание, не желая падать в обморок и не издавая ни звука, чтобы не отвлекать Тан Уяня.

Изначально это были его проблемы, а теперь он втянул сюда и его...

К моменту, когда они добрались до полуразрушенного храма, оба промокли насквозь и превратились в жалких облезлых куриц. Точнее, в одну облезлую курицу и одну промокшую насквозь пушку.

Внутри храма от дождя уже укрывался какой-то отряд. Тан Уянь настороженно бросил на них взгляд, проверяя, не преследователи ли это.

Четверо рослых мужчин среднего возраста и один молодой человек. Мужчины лениво скользнули по ним взглядом и вернулись к прерванному медитативной дремоте занятию, а парень даже не удосужился поднять веки.

Не преследователи. Тан Уянь чуть расслабился, хотя терять бдительность до конца было нельзя: перед ним находились люди из Долины Злодеев.

Нравы в Долине Злодеев издавна славились своим своенравным безумием, и они вполне могли устроить неприятности без всякой причины. Но судя по всему, возиться с ними у этой компании желания не было, и Тан Уянь, разумеется, не собирался нарываться первым.

Е Вэньтао посмотрел на юношу, и на его губах заиграла горькая, полная терпкой боли, но в то же время исполненная изумления и радости улыбка.

Черные, как смоль, водопадом ниспадающие до пояса волосы молодого человека были распущены по плечам, придавая ему дикий, необузданный вид. Под распахнутой на груди алой нижней сорочкой угадывалось крепкое тело, а поверх красовался белый халат, на высоком вороте которого даже в разгар весны и лета красовался меховой воротник, служивший вовсе не для тепла, а исключительно ради красоты. На рукояти короткого клинка у пояса отчетливо выделялся броский опознавательный знак Долины Злодеев.

Вдобавок к лицу, которое примерно на пять-шесть частей походило на его собственное — с той

лишь разницей, что сам Е Вэньтао излучал открытое сияние, тогда как этот парень смотрел на всех ледяным взглядом. Во всем поднебесье существовало лишь одно такое место без филиалов —

Молодой господин Долины Злодеев, родной старший брат Е Вэньтао — Мо Юй.

Мо Юй поднял голову, и его пронзительный, леденящий взгляд мгновенно метнулся в сторону. Дело было не в том, что он делал это намеренно — просто привычка есть привычка.

Будучи боевым мастером, Мо Юй обладал мощной интуицией и невероятной чуткостью. Невозможно было не заметить, когда кто-то сверлит тебя взглядом, и он поднял голову, чтобы определить, откуда исходит этот интерес.

Главное отличие Мо Юя от Е Вэньтао заключалось в том, что молодой господин Мо совершенно не осознавал собственной привлекательности. Он понятия не имел, что даже его холодное и красивое лицо таит в себе особый шарм, и уж тем более не подозревал, что, когда он погружается в задумчивость, глядя вдаль, он сам становится для кого-то пейзажем, от которого невозможно оторвать глаз.

Мо Юй порой недоумевал, почему стоит ему выйти на улицу, как он неизменно привлекает столько внимания, но ему было лень в этом разбираться, и в конце концов он пришел к выводу, что все дело в его слишком тяжелой ауре убийцы.

Когда он прикончил бесчисленное число пристававших к нему наглецев, его мнение ничуть не изменилось.

Если на оживленных улицах было слишком много людей и чужих взглядов, чтобы обращать на них внимание, то в тихих местах те, кто осмеливался бесстыдно пялиться на него во все глаза или даже отпускать вольные реплики, обычно расплачивались либо парой глаз, либо собственной жизнью.

Мо Юй привык только карать и не утруждать себя нравоучениями, да и хоронить никого не собирался. В конце концов, в цзянху за ним прочно закрепилось прозвище Маленький Безумец, и чтобы соответствовать этому титулу, вести себя следовало экстравагантно и беспощадно, иначе прозвище звучало бы незаслуженно.

Мо Юй слегка удивился: во-первых, взгляд, которым Е Вэньтао смотрел на него, нес в себе незнакомую ему сложность, а во-вторых, этот парень смог выдержать его зрительный контакт столь долго.

Обычно стоило Мо Юю бросить леденящий взгляд, как чужаки тут же тушевались — не было недостатка в тех, чье сердце разрывалось от ужаса при одном его взоре. Тех же, кто мог смотреть ему прямо в глаза, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Будучи исправным бывшим нянькой, а ныне нянькой и подчиненным по совместительству, Мо Ша приподнял голову одновременно с Мо Юем и скрупулезно уловил малейшую перемену в его настроении. Переведя взгляд, он обомлел: этот новоприбывший ученик Скрытого Меча посмел так нагло пялиться на молодого господина! Он тут же вскочил на ноги:

— Эй, парень из Скрытого Меча, еще раз посмотришь — и я выковырну твои глаза!

Е Вэньтао еле дышал, половина его веса приходилась на Тан Уяня, одежда пропиталась кровью, а бледное лицо не смыло до конца все багровые следы. Пряди волос липли к щекам, и выглядел он крайне жалко. Тем не менее, боевой дух его ничуть не уступал чужому:

— Что такое? Я смотрю на своего собственного человека — тебе-то какое дело?

Этот паренек часом не рехнулся? Называть себя «своим человеком» для молодого господина? Да во всем мире каждый знал, что всех его родных молодой господин собственными руками вырезал подчистую! Мо Ша уже занес руку, собираясь схватить оружие и преподать этому наглецу урок, но Мо Юй опередил его, поднявшись и заслонив подчиненного рукой.

— Что ты имеешь в виду?

От этого ученика Скрытого Меча исходило смутно знакомое ощущение. Не похожее ни на чье другое — даже Малыш Му никогда не вызывал в нем ничего подобного. Приглядевшись к окровавленному лицу, к очертаниям бровей, глаз, носа и губ, он пораженно замер: черты лица совпадали с его собственными по меньшей мере на пять-б частей.

Неужели... Нет, быть такого не может... И все же в душе Мо Юя забрезчила робкая надежда, заставив даже покрытые вечным льдом глаза засиять каким-то иным светом.

Е Вэньтао лихорадочно соображал, как выразиться кратко и емко, и в итоге выпалил:

— Молодой господин Мо, а вы помните Мо Тао из Усадьбы Фужун?

Ваше Величество, а помните ли вы Ся Юйхэ у озера Минху?

Выпалив это, Е Вэньтао чуть не прикусил собственный язык. Вот уж поистине фраза, слетевшая с губ помимо воли... Ну и ладно, зато вышло предельно кратко и понятно.

— Ты...!?

— Кхе-кхе...

Ах ты ж боже мой, дорогой мой старший брат, твой младший вообще-то ранен, нельзя ли излучать столь сокрушительную ауру как-то поаккуратнее?! Если нас прибьет одной лишь твоей аурой едва мы встретились, нам останется только горько плакать!

Тан Уянь испугался, а злодеи и вовсе остоленели. Их молодой господин без лишних слов метнулся к ученику Скрытого Меча и, уставившись ему в грудь, собрался... раздевать!

Матушка моя! Молодой господин, что с вами?! Разве вы не должны были вонзить ему нож в сердце? С чего вдруг вы принялись срывать с него одежду?!

Мо Ша чувствовал, как рушится его картина мира. Выражение лица их молодого господина сейчас ничем не отличалось от того, с каким он обычно сдирал одежду с раненых парней из враждебного Клана Хаоци, чтобы осмотреть их раны... Или даже выглядело еще более нетерпеливым?

Вероятность застать Мо Юя с таким выражением лица равнялась шансу увидеть костер, пылающий на вершине вековой ледяной горы, — и ведь нашелся же смельчак, способный забраться наверх и чиркнуть спичкой! Мо Ша воочию убедился, что парень из Хаоци по имени Му был вовсе не единственным в своем роде.

Желая сохранить холодный и отстраненный образ молодого господина, Мо Ша исполнил свой долг, отвесив подзатыльники стоявшим вокруг подчиненным:

— На что пялитесь?! Глаза в пол!

Подчиненные, потирая затылки, косились на него исподлобья. Дядечка Мо Ша, ты бы сначала сам убрал свои сияющие от жажды сплетен глазища, а потом уже командовал нами, а?

Тан Уянь никак не ожидал от Мо Юя такой прыти и успел перехватить его руку, когда тот уже наполовину стянул воротник с плеча Е Вэньтао:

— Ты что делаешь?

Мо Юй недовольно нахмурился:

— Убери руки.

Тан Уянь, разумеется, и не думал подчиняться. Мо Юй от природы не отличался многословием, предпочитая подбирать слова в зависимости от собеседника, и бросил на Тан Уяня нетерпеливый взгляд. Всего один холодный взгляд — и Тан Уянь на мгновение почувствовал себя так, будто провалился в ледяной погреб.

На свете и впрямь существуют люди с настолько леденящим взглядом!

Ожидаемо встретив такой отпор, Мо Юй пренебрежительно фыркнул и уже собирался оттолкнуть его руку, но заметил, что, несмотря на оцепенение всего тела, Тан Уянь отчаянно цепляется за него и не отпускает. Он невольно приподнял бровь: а у этого парня есть стержень.

Холодная рука легла поверх их рук, и Е Вэньтао покачал головой, глядя на Тан Уяня. Мо Юй и так проявил немало снисходительности к Тан Уяню — судя по всему, исключительно из уважения к нему самому, иначе выражение лица главы Долины Злодеев стало бы еще мрачнее.

Одежда на руках Тан Уяня тоже местами порвалась, и пальцы Е Вэньтао коснулись его кожи. Тан Уянь поморщился: до чего же холодно. Тот промок под дождем ничуть не меньше, но казался ледянее его самого.

Жестом Е Вэньтао дал понять, что не возражает против действий Мо Юя, и Тан Уянь неохотно разжал пальцы.

Движения Мо Юя, до этого такие поспешные, теперь стали медленными. Если вглядеться, можно было заметить, что кончики его пальцев слегка подрагивают. Этот «маленький безумец», не ведавший страха перед небесами и землей, впервые в жизни испытывал столь бурю эмоций.

Настроение Мо Юя было невероятно сложным, однако лицо оставалось гладким, как зеркало застывшего озера. Искусство сохранения ледяного спокойствия у него получалось куда лучше, чем у Тан Уяня.

Рана Е Вэньтао пришлась на левое плечо, поэтому Мо Юй стянул правую полу его одежды, откинул нательную сорочку и обнажил плечо. Несмотря на то, что он заранее подготовился, Мо Юй все равно невольно затаил дыхание. Чуть выше правой груди темнел отпечаток, похожий на буддийский иероглиф. Он в точности повторял метку на левой груди самого Мо Юя, отличаясь лишь более бледным оттенком.

Обладая столь характерной приметой, Мо Юй мог думать лишь об одном человеке — и знал лишь одного.

Словно подтверждая его догадку, у самого уха раздался слабый, но полный усмешки голос:

— Хм... Брат, давно не виделись...

— Ты...

Тысячи слов застряли в горле, и в этот момент он не смог выдавить из себя больше ни единого

слога.

— Ну... братец, давай оставим воспоминания на потом? У меня тут в плече все еще торчит дротик...

Е Вэньтао уже начал колотить озноб. Его бледное лицо окончательно лишилось краски, а подавляемый яд причинял куда более жгучую боль, чем сама рана. Губы слегка посинели.

Только теперь Мо Юй заметил, в каком плачевном состоянии находится брат. Нахмурившись, он протянул руку и нащупал его пульс: ну надо же, тут и отравы, и тяжелые внутренние повреждения. Сейчас действительно было не время для сентиментальных встреч. Подхватив Е Вэньтао, Мо Юй помог ему добраться до ярко пылавшего костра, и остальные члены банды со всей понятливостью освободили для них место.

В рядах Долины Злодеев творился полный дурдом. Этот ученик Скрытого Меча назвал молодого господина братом?! Мо Ша был готов взвыть к небесам: молодой господин, откуда у вас столько братьев?! С Му Сюаньин и так хлопот не оберешься, откуда взялся еще один?! Судя по тому, с какой заботой вы к нему относитесь, вы просто помешаны на младших братьях, да?!

— Это Игла, Пьющая Кровь Клана Тан.

Мо Юй бросил взгляд на Тан Уяня, и тот кивнул:

— Ее нельзя вытаскивать силой. Я сам ее извлеку.

Достав чистый, незакачанный ядом кинжал, Тан Уянь прокалил его на огне, присел на корточки рядом с Е Вэньтао и уже занес руку, собираясь сделать разрез, но стоило ему поднять кинжал, как он заметил, что его пальцы дрожат.

После жестокой схватки и долгого пути, когда он всю дорогу поддерживал Е Вэньтао, силы Тан Уяня были практически исчерпаны. Пока он не присел, он и сам не осознавал, до чего же устал.

Глубоко вздохнув, Тан Уянь понял, что рану Е Вэньтао больше нельзя затягивать — действовать нужно было прямо здесь. Не успел он выдохнуть воздух, как кинжал выскользнул из его ослабевших пальцев и перекочевал в другую руку.

Тан Уянь поднял глаза на Мо Юя.

— Я сам, — холодно бросил Мо Юй. — Говори, куда резать.

Тан Уянь, разумеется, уже догадался, кем приходится Мо Юй раненому. Удивление

удивлением, но он никак не ожидал, что Е Вэньтао назовет братом самого юного господина Злодеев. Во всяком случае, было очевидно, что причинять вред Е Вэньтао Мо Юй не намерен — более того, он искренне переживал за него.

Мо Юй мастерски владел коротким клинком, и его боевые навыки были безупречны. Довершить надрез ему удавалось куда лучше, чем Тан Уяню, который сейчас едва мог удержать оружие в руке. Поэтому Тан Уянь переключился на то, чтобы придерживать Е Вэньтао, позволяя Мо Юю выполнять работу хирурга.

— На два цуня выше.

Мо Юй перехватил клинок обратным хватом и предупредил:

— Потерпи.

Никакого обезболивающего у них, разумеется, не было.

Злодеи во все глаза уставились на происходящее: о-го-го, а молодой господин и режет ловко, и действует на удивление аккуратно! На его месте любой другой, не говоря уж о каких-то предупреждениях, давно бы полоснул по живому! Хотя нет, окажись на месте раненого кто-то другой, молодой господин вряд ли стал бы лично пачкать руки — не для каждого же он готов стараться, в конце концов, Му из Хаоци — это исключение.

— Еще на один.

— На один.

Каждый раз, делая разрез, Мо Юй повторял движения Тан Уяня, что позволяло как контролировать правильность его действий, так и вовремя переходить к следующему этапу. Кто бы мог подумать, что за этой ледяной маской скрывается такая педантичность? Наверняка он отличный старший брат.

Но бедному Е Вэньтаогу приходилось несладко — ведь резали-то по его собственному живому мясу! Какими бы быстрыми ни были движения Мо Юя, боль от каждого надреза оставалась неизменно острой. Крупные капли пота градом катились со лба Е Вэньтао, чье лицо отблескивало мертвенно-бледным светом от пламени костра. Е Вэньтао почти тосковал по современной медицине — по крайней мере, там существовал наркоз!

Е Вэньтао горько усмехнулся про себя: ну просто образцовая встреча двух родных братьев — едва увиделись, как сразу пустили в ход ножи... Тьфу! Больно же!